

УДК 81'37:81'38+82-31

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-72-84

СООТНЕСЁННОСТЬ ЭПИГРАФОВ И ТЕКСТА В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»

Джанумов С. А.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть вопрос о роли повторов в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама», а также художественную функцию эпиграфов, их значение в этом произведении.

Процедура и методы. В работе проведён стилистико-семантический анализ, особое внимание обращено на устойчивое повторение многих мотивов и образов, отдельных слов и выражений, на сопоставление эпиграфов и текста этой пушкинской повести.

Результаты. Автор исследования предполагает, что некоторые повторы в «Пиковой даме» не рассчитаны на напоминание о прежних употреблении и возникают случайно. Но большинство пушкинских самоповторений использовано вполне сознательно, продуманно и несёт определённую эмоционально-экспрессивную нагрузку. Делается вывод, что Пушкин сумел достичь в своей повести точного соотнесения эпиграфа и текста, искусно использовать художественные повторы как авторский литературный приём, проявляющийся на разных уровнях его поэтики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Определение художественной функции эпиграфов и их взаимоотношения с текстом «Пиковой дамы» может иметь значение для комментирования пушкинской повести, выявления многозначности и многоплановости основных персонажей произведения, его философской проблематики, в частности проблемы необходимости и случайности. В «Пиковой даме» явственно просматривается переключка фабульной ситуации и лексико-семантических связей эпиграфов с текстом и сюжетными поворотами каждой главы.

Ключевые слова: значение повторов, поэтика, символика, текст, художественная функция, эпиграф

RELATIONSHIP OF EPIGRAPHS AND TEXT IN A. S. PUSHKIN'S STORY “THE QUEEN OF SPADES”

S. Dzhanumov

Moscow City Pedagogical University

prosp. 2nd Selskokhozyaystvenny 4, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. We consider the role of repetitions in A. S. Pushkin's story “The Queen of Spades”, as well as the artistic function of epigraphs and their meaning in this work.

Methodology. Use is made of a stylistic and semantic analysis of Pushkin's story “The Queen of Spades”. Special attention is paid to the steady repetition of many motifs and images, as well as individual words and expressions in “The Queen of Spades”; the epigraphs and the text of Pushkin's story are compared.

Results. It is suggested that some of the repetitions in “The Queen of Spades” are not designed to remind the previous usages and arise by chance. But most of Pushkin’s self-repetitions are used quite consciously and thoughtfully and carry a certain emotional and expressive load. It is found that Pushkin managed to achieve in his story an exact correlation between the epigraph and the text and skillfully used literary repetitions as the author’s literary device, which manifests itself at different levels of his poetics.

Research implications. Determining the artistic function of epigraphs and their relationship with the text of “The Queen of Spades” can be important for commenting on Pushkin’s story, as well as for identifying the ambiguity and diversity of the main characters of the work, its philosophical issues, in particular, the problem of necessity and chance. In “The Queen of Spades”, the echo of the plot situation and the lexical-semantic connections of epigraphs with the text and plot twists of each chapter are clearly visible.

Keywords: meaning of repetitions, poetics, symbolism, text, artistic function, epigraph

Введение

Художественный стиль «Пиковой дамы» не раз становился предметом изучения. После классической статьи академика В. В. Виноградова «Стиль "Пиковой дамы"» (1936) [3, с. 74–147], предвосхитившей многочисленные позднейшие работы, появилось немало исследований, посвящённых этой и другим проблемам, связанным с пушкинской повестью. Их обзор дан в словарной статье О. С. Муравьевой¹, а также в пристатейной библиографии (которая, естественно, носит выборочный характер, но учитывает основные работы о пушкинской повести), в четвёртом выпуске «Пушкинской энциклопедии». Но ещё до указанной выше работы В. В. Виноградова, в 1932 г., одним из выдающихся филологов, историков и публицистов русского зарубежья П. М. Бицилли в Праге в периодическом издании “Slavia” была напечатана небольшая, но чрезвычайно содержательная статья «Заметки о Пушкине» [1], вторая часть которой – «Символика “Пиковой Дамы”» – посвящена стилистико-семантическому анализу пушкинской повести. Как отмечает в послесловии к статье И. В. Анненкова, во второй части «Заметок о Пушкине» учёный «проводит ... свою излюбленную идею о словах-образах, аккумулирующих в себе основные идеи и символы произведения художественной литературы» [2, с. 36].

Тем не менее, не все стилистические особенности этой пушкинской повести учтены в работах исследователей. Одним из недостаточно освещённых вопросов является вопрос о роли и функции повторов в «Пиковой даме». Поэт и пушкинист Владислав Ходасевич в предисловии к своей книге «О Пушкине» (1937) писал: «Общеизвестно обилие повторений в произведениях Пушкина ... Если бы можно было собрать и надлежащим образом классифицировать их все, то мы бы получили, между прочим, первостепенной важности данные для суждения о языке и стиле Пушкина, о его поэтике, о связи формы и содержания в его творчестве» [12, с. 397–398].

И хотя в своей книге В. Ходасевич анализировал пушкинские самоповторения, или «автореминисценции» (по терминологии Ходасевича), прежде всего в поэтическом творчестве Пушкина (не случайно первое издание вышло в свет под названием «Поэтическое хозяйство Пушкина» (1924)), методика его исследования во многом применима и к прозе писателя. Сам А. С. Пушкин, как известно, «первыми достоинствами прозы» считал «точность и краткость»². И этим принципам он неукоснительно следовал во всех своих прозаических произведениях. Но при всём том пушкинская художественная палитра даже в прозе отличается богатством и

¹ Муравьева О. С. Пиковая дама (1833) // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 4: П–Р. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 47–71.

² Пушкин А. С. О прозе // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 1996. С. 19.

разнообразием красок, изобразительно-выразительных средств, стилистических приёмов. На этом фоне обращает на себя внимание устойчивое повторение многих мотивов и образов, отдельных слов и выражений в «Пиковой даме».

Другой важной проблемой, связанной с изучением повести Пушкина «Пиковая дама», является художественная функция эпиграфов, их значение в этом произведении. Во многом эта проблема решена в содержательной статье И. В. Коцкиенко «К толкованию эпиграфов повести А. С. Пушкина “Пиковая дама”» (2016) [7]. Но соотносённость эпиграфов и текста этой пушкинской повести, на наш взгляд, нуждается в более углублённом исследовании, что и является предметом работы.

Роль эпиграфов, их переключки с текстом повести

В монографии «Народные песни и малые жанры фольклора в творчестве А. С. Пушкина...» мы уже отмечали, что отдельные строки или слова пушкинских эпиграфов в «Капитанской дочке» переключаются с репликами персонажей, так или иначе «отзываются» в авторском повествовании [6, с. 163]. Действует это правило и в «Пиковой даме», хотя и здесь связь между эпиграфами и основной коллизией повести более значительна и многозначна.

Эпиграф ко всей повести гласит: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность». Указан и источник эпиграфа – «Новейшая гадательная книга» (курсив Пушкина. – С. Д.).

Пушкин в других своих произведениях не раз упоминал гадателей и гадательные книги. Вспомним хотя бы «гадателя, толкователя снов»¹ Мартына Задеку из пятой главы «Евгения Онегина». Хотя в пушкинскую эпоху гадательные книги воспринимались в кругу образованных людей как курьёз, всё же они пользовались популярностью среди читателей и особен-

но читателей того времени. Склонен к суевериям, несмотря на свою кажущуюся рассудочность, и герой повести – Германн: «Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков»².

Шутливо-иронический эпиграф к «Пиковой даме» не только задаёт тон всему повествованию, но и выполняет прогнозирующую функцию. Пиковая дама, так неожиданно появившаяся вместо туза, играет роковую роль в судьбе Германа, ставит крест на всех его авантюрных планах, меркантильных помыслах и расчётах. Старая графиня, лик которой явственно проступает сквозь карточную масть пиковой дамы в последней главе произведения, действительно имела право испытывать «тайную недоброжелательность» к Германну. Он её невольный убийца, он не выполнил её загробную волю – не женился на её воспитаннице Лизавете Ивановне. Таким образом, заглавие повести и слова из эпиграфа – «пиковая дама» – не только дважды повторяются в последней главе произведения, но и соотносятся с крушением надежд Германа.

Слово «тайная» из эпиграфа (и родственные слова «тайна», «таинственность», «потаённая») также часто обыгрывается в пушкинской повести, наполняется разным семантическим содержанием, создаёт особую атмосферу повести. Так, Сен-Жермен, который помог ещё молодой графине – «московской Венере» – отыгаться после «ужасного проигрыша» при французском дворе, как сообщается в повести, «несмотря на свою таинственность (здесь и далее, кроме особо оговорённых случаев, курсив мой. – С. Д.), имел очень почтенную наружность, и был в обществе человек очень любезный»³. Именно он, по словам Томского, открыл графине «...тайну, за которую всякой из нас дорого бы дал»⁴. Графиня же, как с досадою замечает её

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1995. С. 107.

² Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 246.

³ Там же. С. 228.

⁴ Там же. С. 229.

внук Томский, ни одному из своих четырёх сыновей «не открыла... своей тайны»¹.

В статье С. А. Гудимовой «Мифологическая структура “Пиковой дамы” А. С. Пушкина и П. И. Чайковского» (2019) также обращается внимание на мотив тайны в пушкинской повести: «В повести тайна анализируется в своих последствиях и губительных влияниях, она только приоткрывается, но никогда не раскрывается полностью» [4, с. 74].

Слово «тайна» образует одну из стилевых доминант, лежащих в «зоне» Лизаветы Ивановны. Во второй главе повести Лизавета Ивановна, спросив у Томского о «молодом инженере» и тем самым невольно выдав себя, сожалеет, что «нескромным вопросом высказала свою тайну ветреному Томскому»². Она же, получив первое письмо от Германа, беспокоится о том, что «впервые входила... в тайные, тесные сношения с молодым мужчиною»³. В свою очередь, Томский, танцуя на балу с Лизаветой Ивановной «бесконечную мажурку», шутит «над её пристрастием к инженерным офицерам»: «...и некоторые из его шуток были так удачно направлены, что Лизавета Ивановна думала несколько раз, что её тайна была ему известна»⁴.

Мотив «тайны» постоянно звучит в честолюбивых помыслах и заветных желаниях Германа: «Что, ... если старая графиня откроет мне свою тайну!...»⁵. В сцене ночного посещения дома графини Германн, стоя на коленях, настойчиво умоляет графиню: «Для кого вам беречь вашу тайну?», «...Не откажите мне в моей просьбе! – откройте мне вашу тайну!...». Последнюю фразу, как заклинание, он произносит дважды, почти слово в слово: «Откройте мне только вашу тайну»⁶. Не чувствуя «угрызения совести при мысли о мёртвой старухе», Германн вместе с тем в отчаянии

от того, что старая графиня унесла свою тайну в могилу: «Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, от которой ожидал обогащения»⁷.

Маниакальная идея, овладевшая Германном, – во что бы то ни стало узнать «три верные карты» (это словосочетание трижды повторяется в повести⁸), «вынуть клад у очарованной фортуны» – также связана с мотивом «тайны»: «Все мысли его слились в одну, – воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила»⁹ (ср. с приведённой выше цитатой (слова Томского), где ключевые слова по существу те же: «тайну, за которую всякой из нас дорого бы дал»).

Через подобные лексические повторения Пушкин тонко, ненавязчиво говорит о меркантильности, одержимости идеей обогащения не только героя повести – Германа, но и других «молодых игроков» – Томского, конногвардейца Нарумова. Ведь не один только Германн мечтает «представиться» старой графине, «подбиться в её милость», но и Нарумов. Вспомним просьбу Томского, обращённую к своей “grand maman”: «Позвольте вам представить одного из моих приятелей, и привезти его к вам в пятницу на бал»¹⁰.

Самое же выражение «тайная недоброжелательность» из эпиграфа к повести тоже характерно для словаря Пушкина, является своеобразной фразеологической «автореминисценцией». В статье «О народном воспитании» (1826) Пушкин использует это выражение в несколько ином контексте, чем в «Пиковой даме»: здесь он призывает молодых дворян «...соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве»¹¹.

¹ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 229.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 237.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ Там же. С. 235.

⁶ Там же. С. 241–242.

⁷ Там же. С. 245.

⁸ Там же. С. 235 (дважды), 241.

⁹ Там же. С. 249.

¹⁰ Там же. С. 231.

¹¹ Пушкин А. С. О народном воспитании // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 1996. С. 47.

Большую смысловую нагрузку несёт и стихотворный эпиграф к первой главе повести:

А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули – бог их прости! –
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так, в ненастные дни,
Занимались они
Делом¹.

(Эпиграф этот, по-видимому, принадлежит самому Пушкину и имеет автобиографический подтекст, что подтверждается письмом поэта к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г. из Петербурга: «Пока Киселёв и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом:

А в ненастные дни собирались они часто
Гнули, ... их ... от 50-ти на 100.
И выигрывали и отписывали мелом.
Так в ненастные дни занимались они делом»².

Эпиграф не только намечает основную тему этой главы (да и всей повести в целом) – страсть к карточной игре, но также воспроизводит атмосферу игрового риска и азарта, даёт ключ ко всему повествованию. Как всегда у Пушкина, отдельные слова и выражения эпиграфа эхом отзываются в тексте не только первой главы, но и других глав, особенно заключительной, шестой. Это относится, прежде всего, к некоторым, общепринятым тогда, излюбленным карточным словечкам и терминам, т. е. к своеобразному карточ-

ному жаргону того времени: «гнули ... от пятидесяти на сто», т. е. загибать угол карты (в игре в банк, в фараон), указывая этим на удвоенную ставку, «отписывали мелом», т. е. списывать проигрыш.

Показательно, что уже в первой главе Чаплицкий, которому графиня открыла тайну трёх карт, «...поставил на первую карту *пятьдесят* (цифра из эпиграфа. – С. Д.) тысяч и выиграл соника (т. е. выиграл на первой карте. – С. Д.); *загнул* паролы (т. е. удвоил ставку. – С. Д.), паролы-пе (т. е. учетверил ставку. – С. Д.), – отыгрался, и остался ещё в *выигрыше*...»³ (концовка фразы – ещё один повтор, на этот раз из первой главы «Пиковой дамы»: «Те, которые *остались в выигрыше*, ели с большим аппетитом...»⁴).

Во второй главе повести Германн, зачарованный «удивительным анекдотом» о трёх картах, находясь весь во власти своего «огненного воображения» и своей неотвязной мечты об огромном карточном выигрыше, о приобретении «фантастического богатства», ночью видит сон: «...ему пригрезились карты, зелёный стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, *гнул* углы решительно, *выигрывал* беспрестанно, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман»⁵, т. е. и здесь повторяются отдельные слова и карточные термины из эпиграфа к первой главе. Как пишет в своей посмертно опубликованной статье 1922 г. «Пиковая дама» об этом сне Германна полузабытый ныне пушкинист Д. С. Дарский (1883–1957), «по раздражительной яркости картины нам ясно, что внутренний враг одолел, и идеал покоя и независимости рухнул. Отныне гордого человека нет, теперь вступил во владения человек страстей» [5, с. 316].

В последней главе повести профессиональный банкомёт Чекалинский, проведший «весь век за картами», «учтиво» вслушиваясь в «требования» игроков,

¹ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 246.

² Пушкин А. С. П. А. Вяземскому // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 14. М.: Воскресенье, 1996. С. 26.

³ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 246.

⁴ Там же. С. 227.

⁵ Там же. С. 236.

«отгибал лишний угол, загибаемый рассеянною рукою»¹. Последняя фраза по существу – это ещё один пушкинский самоповтор. Ср. с повестью «Выстрел»: «Он (офицер. – С. Д.), играя тут же, в рассеянности загнул лишний угол»².

В эпиграфе к первой главе «Пиковой дамы» игроки «и выигрывали, / И отписывали / Мелом». А в последней главе повести Германн, начав играть, *надписывает «мелом куш над своею картою»*³, а затем *выигрывает*: «– Выиграла! – сказал Германн, показывая свою карту»⁴, т. е. почти дословно повторяется ситуация из эпиграфа.

Сама сцена карточной игры в первой главе и описание в последней, шестой главе общества игроков, их частых сборищ по вечерам в доме Чекалинского очень напоминает, а иногда и в точности воспроизводит любимое занятие молодых людей в открывающем первую главу эпиграфе. Ср.: «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно...»⁵; «Молодёжь к нему (Чекалинскому. – С. Д.) нахлынула, забывшая балы для карт и предпочитая соблазны фараона обольщениям волокитства»⁶. И там, и здесь атмосфера беззаботного времяпровождения: «Несколько генералов и тайных советников играли в вист; молодые люди сидели, развалившись на штофных диванах, ели мороженое и курили трубки»⁷ (ср.: «Томский закурил трубку...»⁸).

Дважды повторённое в эпиграфе «в ненастные дни» напоминает зимний петербургский пейзаж в третьей главе повести. В ненастную ночь Германн идёт в дом графини: «Погода была ужасная: ветер выл,

мокрый снег падал хлопьями; фонари светились тускло; улицы были пусты»⁹.

О том, что «Пиковая дама» – светская повесть, свидетельствуют эпиграфы ко второй, третьей и четвёртой главам произведения. Несмотря на то, что эти эпиграфы имеют характер цитат и приводятся на французском языке, все они, по-видимому, сочинены самим Пушкиным.

Фраза, как бы выхваченная автором из какого-то светского разговора, служит эпиграфом ко второй главе повести: «– Il paraît que monsieur est décidément pour les suivantes. – Que voulez-vous, madame? Elles sont plus fraîches. *Светский разговор*»¹⁰ (перевод: «– Вы, кажется, решительно предпочитаете камеристок. – Что делать, сударыня? Они свежее»¹¹). На самом деле источник этого эпиграфа уточняется из письма Д. В. Давыдова А. С. Пушкину от 4 апреля 1834 г.: «Помилуй! что за дьявольская память? – бог знает когда-то на лету я рассказал тебе ответ мой М. А. Нарышкиной на счёт les suivantes qui sont plus fraîches, а ты слово в слово поставил это эпиграфом в одном из отделений Пиковой Дамы»¹².

Эпиграф этот предваряет рассказ о незавидной участи «камеристки» и воспитанницы старой графини, «домашней мученицы»¹³ Лизаветы Ивановны (здесь напрашивается невольное сравнение с «сущим мучеником четырнадцатого класса»¹⁴ Самсоном Выриным, героем пушкинской повести «Станционный смотритель» – ещё одна авторская реминисценция).

¹ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 246.

² Пушкин А. С. Выстрел // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 66.

³ Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 250.

⁴ Там же. С. 251.

⁵ Там же. С. 227.

⁶ Там же. С. 249.

⁷ Там же. С. 249.

⁸ Там же. С. 229.

⁹ Там же. С. 239.

¹⁰ Там же. С. 231.

¹¹ Переводы иностранных текстов. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 2. М.: Воскресенье, 1995. С. 1068.

¹² Д. В. Давыдов – Пушкину. 4 апреля 1834 г. Маза // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 15. М.: Воскресенье, 1995. С. 123.

¹³ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 234..

¹⁴ Пушкин А. С. Станционный смотритель // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 97.

О том, что «бедная воспитанница» (дважды повторенный эпитет¹) Лизавета Ивановна выполняет в доме графини именно нелёгкие обязанности камеристки, говорит сам автор: «Она (Лизавета Ивановна. – С. Д.) разливала чай и полу-чала выговоры за лишний расход сахара; она вслух читала романы, и виновата была во всех ошибках автора; она сопровождала графиню в её прогулках, и отвечала за погоду и за мостовую»².

Эпиграф, середину и конец второй главы связывает ещё одна повторяющаяся и, казалось бы, несущественная деталь – милость и «свежесть» камеристок и Лизаветы Ивановны, которая, тем не менее, «в свете играла ... самую жалкую роль. Все её знали, и никто не замечал Молодые люди, расчётливые в ветреном своём тщеславии, не удостоивали её внимания, хотя Лизавета Ивановна была сто раз милее наглых и холодных невест, около которых они увивались»³.

И единственный человек, который, как кажется вначале Лизавете Ивановне, оценил её по достоинству, был Германн: «Германн увидел *свежее* личико и чёрные глаза. Эта минута решила его участь»⁴ (ещё одна пушкинская автоцитата из наброска, написанного в мае 1830 г. и имеющего автобиографический характер: «*Участь моя решена. Я женюсь...*»⁵). Акцентируя внимание на слове «свежий», Ю. В. Осипова в статье «Символика цвета в повести А. С. Пушкина “Пиковая дама”» (2020) подчёркивает: «Старость, увядание графини противопоставляется свежести и молодости Лизаветы Ивановны (у которой “свежее личико” и голова убрана “свежими цветами”» [10, с. 44].

Своеобразно обыгрывается в пушкинской повести и эпиграф к третьей главе: “*Vous m’écrivez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire.*

Переписка.”⁶ (перевод: «Вы пишете мне, мой ангел, письма по четыре страницы быстрее, чем я успеваю их прочитать»⁷). Впервые этот эпиграф также на французском языке (без слов «мне, мой ангел») встречается в неоконченной повести Пушкина «На углу маленькой площади...» (1829)⁸. (ср. с фразой из письма поэта к жене от 12 сентября 1833 г. (т. е. за месяц-два до окончания «Пиковой дамы») из села Языково Симбирской губернии: «У тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре страницы кругом»⁹).

Напомним, что первую половину этой главы занимает подробное и детальное описание оживлённой и всё учащающейся («убыстряющейся», если воспользоваться пушкинским словом из эпиграфа) переписки Германна и Лизы. И не только Германн пишет сначала переведённые «с немецкого», «слово-в-слово» взятые «из немецкого романа»¹⁰, а затем вдохновлённые «страстию»¹¹ пространные письма «бедной воспитаннице» графини, но и сама Лизавета Ивановна невольно и незаметно для себя втягивается в эту любовную переписку и пишет «письма по четыре страницы» Германну: «Лизавета Ивановна уже не думала их (письма Германна. – С. Д.) отсылать: она упивалась ими; стала на них отвечать, – и её записки час от часу становились *длиннее* (курсив наш. – С. Д.) и нежнее»¹², вплоть до последнего, сыгравшего роковую роль письма, где она назначает Германну ночное свидание в своей комнате в доме графини.

Таким образом, и здесь, в третьей главе, повторяется в несколько трансформиро-

¹ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 233, 240.

² Там же. С. 234.

³ Там же. С. 234.

⁴ Там же. С. 236.

⁵ Там же. С. 406.

⁶ Там же. С. 237.

⁷ Переводы иностранных текстов. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 2. М.: Воскресенье, 1995. С. 1068.

⁸ Пушкин А. С. На углу маленькой площади // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 145.

⁹ Пушкин А. С. Н. Н. Пушкиной. 12 сентября 1833 г. Языково // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 15. М.: Воскресенье, 1996. С. 79.

¹⁰ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 237.

¹¹ Там же. С. 238.

¹² Там же. С. 238.

ванном виде сюжетная ситуация, заявленная в эпиграфе. Причём именно начиная с третьей главы сюжетное развитие повести убыстряется, а события начинают принимать необратимый характер. Эту «быстроту» не только переписки, но и динамики взаимоотношений героев повести передают размышления Лизаветы Ивановны в начале четвёртой главы: «Она села, не раздеваясь, и стала припоминать все обстоятельства, в такое короткое время и так далеко её завлѣкшие. Не прошло трёх недель с той поры, как она в первый раз увидела в окошко молодого человека, – и уже она была с ним в переписке, – и он успел потребовать от неё ночное свидание!»¹.

Четвёртая глава, в отличие от трёх предыдущих, предваряется не шутивно-ироническим эпиграфом, снижающим налёт романтики и с карточной игры, и с любовных взаимоотношений героев повести, а вполне серьёзным высказыванием, в котором в нескольких словах разоблачается аморальная и глубоко циничная сущность Германна, его пренебрежение общечеловеческими нравственными понятиями и ценностями: «7 Mai 18**. Homme sans mœurs et sans religion! *Переписка*»² (перевод: «7 мая 18**. Человек, у которого нет никаких нравственных правил и ничего святого!»³).

На первый взгляд, этот эпиграф противоречит всему тому, что сказано о Германне в предыдущих главах. До поры до времени Германн твёрдо придерживается законов, «им самим над собою признанным»⁴ (слова Пушкина в одном из писем, сказанные по другому поводу), живёт по своим раз и навсегда установившимся правилам. И одно из этих правил, один из этих жизненных принципов им неукоснительно со-

блюдается, о чём дважды в чеканной, афористической форме повторено в повести. Сначала в первой главе: «...я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее»⁵. И затем во второй главе, объясняя особенности психологии и «морального кодекса» своего героя, его жизненного кредо, Пушкин снова отсылает нас к первой главе, выделяя процитированные выше слова курсивом, подавая их уже как автоцитату Германна: «Так, например, будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки (ср. замечание одного из гостей Нарумова о Германне: «...отроду не брал он карты в руки»⁶. – С. Д.), ибо рассчитал, что его состояние не позволяло ему (как сказывал он) *жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее...*»⁷. Комментируя эту дважды повторённую фразу в статье «Горе от ума на страницах “Пиковой дамы”» (что необходимо в жизни человека)» (2021), Н. Н. Кульчицкая замечает: «Его (Германна. – С. Д.) слова раскрывают суть его природы, которая и проявляется в том, что именно сущностно необходимо для него, а что излишне» [8, с. 224–225].

Вместе с тем, и тоже дважды в четвёртой главе, обыгрывается в повести характеристика Германна, данная ему Томским: «...у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совести по крайней мере три злодеяния»⁸. «Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томского раздалились в её душе: *у этого человека по крайней мере три злодеяния на душе!*»⁹ (Курсив Пушкина. – С. Д.). Там же, в четвёртой главе, ещё раз встречается сравнение Германна с Наполеоном: «...он (Германн. – С. Д.) сидел на окошке, сложа руки и грозно нахмурясь. В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона»¹⁰. Цитируя эти строки повести, Н. Л. Степанов в своей монографии

¹ Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 243.

² Там же. С. 243.

³ Переводы иностранных текстов. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 2. М.: Воскресенье, 1995. С. 1068.

⁴ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 138.

⁵ Там же. С. 227.

⁶ Там же. С. 227.

⁷ Там же. С. 235.

⁸ Там же. С. 244.

⁹ Там же. С. 244.

¹⁰ Там же. С. 245.

«Проза Пушкина» (1962) так объясняет это настойчивое и несколько раз повторяющееся сравнение Германна с Наполеоном: «Настойчивость Пушкина понятна. Он стремится этим сходством подчеркнуть не только холодную расчётливость Германна, его авантюризм, но и показать *типичность* (курсив автора монографии. – С. Д.) такого характера, его принципиальную важность для эпохи» [11, с. 169].

У Пушкина, как известно, на разных этапах его творчества было неоднозначное отношение к Наполеону. Но в одном поэт был твёрдо убеждён: для Наполеона тоже не существовало «никаких нравственных правил и ничего святого». Вспомним стихотворение «Наполеон» (1821), где поэт, обращаясь к Наполеону, восклицает: «Ты человечество презрел...»¹.

Те же этические принципы, вернее, отсутствие таковых, беспредельный эгоизм и личное честолюбие Наполеона подчеркнуты в одном из лирических отступлений второй главы «Евгения Онегина»: «Мы все глядим в Наполеоны; / Двуногих тварей миллионы / Для нас орудие одно...»².

Мотивируя социальный и психологический облик своего героя особенностями национального характера, Пушкин акцентирует внимание на его происхождении. Вспомним реплику Томского в самом начале первой главы: «– Германн *немец*: он расчётлив, вот и всё!.. (Здесь и далее курсив мой. – С. Д.)»³. Во второй главе, впервые давая развёрнутую характеристику героя повести и обрисовывая несколькими штрихами его прошлое, автор сообщает читателю: «Германн был сын обрусевшего *немца*, оставившего ему маленький капитал. Будучи твёрдо убеждён в необходимости упрочить свою независимость, Германн не касался и процентов, жил од-

ним жалованьем, не позволял себе малейшей прихоти»⁴. И, наконец, уже в третий раз (в третьей главе повести) черты национальной принадлежности Германна подчеркнуты авторским замечанием о первом письме героя к Лизавете Ивановне, «слово-в-слово» взятого «из *немецкого романа*»⁵.

Немаловажна ещё одна деталь в характеристике Германна, проливающая свет и на отношение автора к своему герою. Развенчивая романтические иллюзии Лизаветы Ивановны относительно Германна, Пушкин в той же четвёртой главе замечает: «Портрет, набросанный Томским, сходствовал с изображением, составленным ею самою, и, благодаря новейшим романам, это, уже *пошлое лицо*, пугало и пленяло её воображение»⁶.

Таким образом, эпиграф к четвёртой главе подготавливает читателя к раскрытию сущности образа Германна, даёт ключ к его всесторонней характеристике. Уже в предыдущих главах мы убедились, что у Германна действительно «нет никаких нравственных правил и ничего *святого*». Для него цель оправдывает средства, даже самые аморальные. Например, ради проникновения в тайну трёх карт он готов «сделаться ... любовником»⁷ восьмидесятисемилетней старухи, не говоря уже о его холодно-расчётливом и предельно циничном поведении с Лизаветой Ивановной. Но, не имея ничего нравственного и святого за душой, он ожидает встретить эти качества у других. Так, умоляя старую графиню «назначить» ему «эти три верные карты», Германн закладывает её «чувствами супруги, любовницы, матери, – всем, что ни есть *святого* в жизни...»⁸.

И вновь мы видим текстуальное совпадение эпиграфа и узловых сюжетных «ходов» главы, проявляющееся в отборе лексических и художественных средств, в повторении и обыгрывании одних и тех же слов, в данном случае, слова «святой».

¹ Пушкин А. С. Наполеон // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 2. М.: Воскресенье, 1994. С. 214.

² Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1995. С. 37.

³ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 227.

⁴ Там же. С. 235.

⁵ Там же. С. 237.

⁶ Там же. С. 244.

⁷ Там же. С. 235.

⁸ Там же. С. 241.

Продолжает действовать это правило и в пятой главе повести. Эпиграф к ней, взятый из книги шведского учёного, теософа-мистика Шведенборга (Сведенборга) (1688–1772), гласит: «В эту ночь явилась ко мне покойница баронесса фон-В***. Она была вся в белом, и сказала мне: “Здравствуйте, господин советник!” Шведенборг»¹.

При всей своей полумистической, полуфантастической окрашенности эпиграф этот явно имеет лукавый и иронический подтекст. Не то мы видим в самой пятой главе, где появление призрака старой графини приводит Германа в трепет, что, впрочем, не мешает ему после исчезновения «женщины в белом платье»² засветить свечку и деловито записать «свое видение»³. Таким образом, шуточный эпиграф несколько противоречит мрачному, сумрачному содержанию главы, где довольно подробно описаны похороны старой графини, «надгробное слово» молодого архиерея, «внутреннее волнение» Германа, его дневные и ночные видения, обморок Лизаветы Ивановны во время похорон.

И здесь, в пятой главе, просматривается переключка фабульной ситуации и лексико-семантических связей эпиграфа с текстом и сюжетными поворотами самой главы, переключка, закреплённая опять-таки буквальным повторением одних и тех же деталей: ночное видение «советника» и Германа, явление к обоим персонажам «ночью» титулованной «покойницы» (в эпиграфе – «баронессы фон В***», в самой главе – «графини»). И там и здесь ночные призраки обряжены во всё белое: ср. «Она была вся в белом...»⁴ и «...вошла женщина в белом платье», «белая женщина»⁵. Наконец, и в эпиграфе, и в самой пятой главе призрак непосредственно обращается к субъекту видения:

«...и сказала мне: “Здравствуйте, господин советник!”»⁶ (лукавая ирония эпиграфа ещё и в том, что «покойница» желает здравия живому); «– Я пришла к тебе против своей воли, – сказала она твёрдым голосом, – но мне велено исполнить твою просьбу...»⁷. Дополнительный штрих к лексической перекличке эпиграфа и самой главы придаёт и настойчивое повторение, обыгрывание слова «покойница» и его синонимов. Ср.: «...Германн отправился в *** монастырь, где должны были отпевать тело *усопшей* графини»; «*Усопшая* лежала в нём (в гробу. – С. Д.) с руками, сложенными на груди, в кружевном чепце и в белом атласном *платье*»⁸; «Наконец приблизилась старая барская барыня, ровесница *покойницы*»; «Наконец приподнялся (Германн. – С. Д.), бледен, как сама *покойница*...»⁹, «В эту минуту показалось ему, что *мёртвая* насмешливо взглянула на него...»¹⁰.

Эпиграф к шестой, последней главе повести вновь возвращает нас к картёжной теме и терминологии. Как и почти все предыдущие, он несёт на себе явственный отпечаток насмешливой иронии: «*Атáнде!* – Как вы смели мне сказать *атáнде?* – Ваше превосходительство, я сказал *атáнде-с!*»¹¹ (Атáнде – термин карточной игры, означающий «подождите, больше не делайте ставок» – русифицированная форма французского слова «attendez» (которое, произносится, конечно, как и все французские слова, с ударением на последнем слоге) – «подождите»).

Предполагаемый источник эпиграфа установил Н. О. Лернер в книге «Рассказы о Пушкине» (глава «История “Пиковой дамы”») (1929): «Что касается до эпиграфа к VI главе, то “материал” для него мог дать Пушкину анекдот о графе Гудовиче, который рассказывается в “Старой записной книжке” князя П. А. Вяземского» [9, с. 161].

¹ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 246.

² Там же. С. 247.

³ Там же. С. 248.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ Там же. С. 247.

⁶ Там же. С. 246.

⁷ Там же. С. 247.

⁸ Там же. С. 246.

⁹ Там же. С. 246, 247.

¹⁰ Там же. С. 247.

¹¹ Там же. С. 249.

Действительно, в этих записках одного из ближайших друзей Пушкина мы находим мемуарное свидетельство Вяземского – забавный случай о графе И. В. Гудовиче, генерале-фельдмаршале, в 1809–1812 гг. (до вторжения французов) главнокомандующем в Москве: «Фельдмаршал граф Гудович крепко стоял за своё звание. ... Он говаривал, что с получением полковничьего чина, он перестал метать банк сослуживцам своим. Неприлично, продолжал он, старшему подвергать себя требованию какого-нибудь молокососа-прапорщика, который, понтируя против вас, почти повелительно вскрикивает: *аттанде!*»¹.

Прямо в конце шестой главы это «роковое» слово («Атанде, слово роковое, / Мне не приходит на язык...» – беловая рукопись второй главы «Евгения Онегина»²) не встречается, хотя в конце пятой главы, в сцене ночного видения Германна, предостережение «в сутки более одной карты» не ставить³ было одним из условий «женщины в белом платье» – покойной графини. И Германн строго следует этому указанию «покойницы» – в каждый из трёх вечеров в доме Чекалинского он не делает больше одной ставки. Правда, это не отменяет предопределённого для него рокового финала.

Но зато в шестой главе встречаются персонажи эпиграфического диалога. Ведь обращение «Ваше превосходительство» было в дореволюционной России титулованием лиц, имевших военное звание генерала или соответствующего ему гражданского чина тайного советника. Завсегда́тыми и постоянными игроками в доме Чекалинского, наряду с молодёжью, как раз и являются «их превосходительства», причём это дважды повторено в главе: «Несколько генералов и тайных советников играли в вист»⁴; «Генералы и тай-

ные советники оставили свой вист...»⁵, т. е. не делали больше ставок, как это и было заявлено в эпиграфе.

О том, насколько неукоснительно следует Пушкин своему правилу повторять или обыгрывать в тексте соответствующей главы ситуации, мотивы и образы, или даже отдельные слова и выражения из эпиграфа, свидетельствует и такая, казалось бы, незначительная деталь, как «перенос» в шестую главу почтительно-вежливой частицы «-с» из обращения к «их превосходительству» в эпиграфе. Чекалинский дважды использует эту частицу в диалоге с Германном: «– Сколько-с? – спросил, *прищуриваясь* (здесь и далее курсив мой. – С. Д.), банкомет: – извините-с, я не разгляжу»⁶ (ср.: «В эту минуту показалось ему (Германну. – С. Д.), что мёртвая насмешливо взглянула на него, *прищуривая* одним глазом»⁷; «В эту минуту ему (Германну. – С. Д.) показалось, что пиковая дама *прищурилась* и усмехнулась»⁸).

Германн не внял символическому предостережению из эпиграфа не делать ставок и, говоря словами Пушкина из черновых набросков к VIII главе «Евгения Онегина», «все ставки жизни проиграл»⁹. Эта связь между черновым вариантом пушкинского романа и «Пиковой дамой» впервые отмечена В. В. Виноградовым в статье «Стиль “Пиковой Дамы”». Он же разъяснили и смысл «этого игрецкого анекдота» из эпиграфа в композиции повести: «Подобострастное “атанде-с” нельзя понять, если усмотреть в нём только символическое выражение проигрыша. Точно также образ высокомерно-чванного “вашего превосходительства”, прикрикнувшего на понтёра, не может быть перенесён целиком на личность Чекалинского. Таким образом, внутренние символические формы этого эпиграфа не только выводят его за пределы прямых значений, из сферы карточной игры, сохраняя в нём неиспользованный остаток смысло-

¹ Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003. С. 186.

² Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1995. С. 563.

³ Пушкин А. С. Пиковая дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 247.

⁴ Там же. С. 249.

⁵ Там же. С. 251.

⁶ Там же. С. 250.

⁷ Там же. С. 247.

⁸ Там же. С. 251.

⁹ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1995. С. 519.

вой энергии, но и всю эту сцену торжества пиковой дамы влекут в иной семантический план, где образ Германна, как развенчанного Наполеона, склоняется перед роком, перед слепым случаем («Ваше превосходительство, я сказал *атанде-с*»)» [3, с. 104].

Заключение

Рамки статьи не позволили нам подробно раскрыть все функции повторов в пушкинской повести. Мы остановились только на роли эпиграфов и их функциональных аспектах, их переключках с текстом соответствующих глав и всей повести в целом. Мы попытались показать эстетическую выразительность и значение эпиграфов для выявления своеобразия пушкинской поэтики. Нельзя не согласиться с высокой оценкой пушкинских эпиграфов в указанной выше книге Н. О. Лернера «Рассказы о Пушкине»: «Эпиграфы, одна из обычных особенностей пушкинской прозы и вообще литературы пушкинской эпохи, были всегда предметом усердной заботы Пушкина. ... Умел он выбирать их мастерски; в «Пиковой даме»

эпиграфы подобраны также очень искусно» [9, с. 160–161]. О символике эпиграфов и их роли в развитии сюжета повести очень ёмко и лаконично написал В. В. Виноградов в статье «Стиль «Пиковой Дамы»»: «Эпиграфы, как символические стержни заданного и подразумеваемого строя значений, делают-ся основными вехами сюжетного движения» [3, с. 113].

Что касается художественных повторов рассматриваемой повести, можно предположить, что некоторые повторы в «Пиковой даме» не рассчитаны на напоминание о прежних употреблении и возникают случайно. Но большинство пушкинских самоповторений использовано вполне сознательно, продуманно и несёт большую эмоционально-экспрессивную нагрузку. Пушкин сумел достичь в своей повести точного соотношения эпиграфа и текста, искусно использовать художественные повторы как авторский литературный приём, проявляющийся на разных уровнях его поэтики.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова И. В. «Чистая критика» Петра Бицилли // Русская речь. 2003. № 1. С. 34–36.
2. Бицилли П. М. Заметки о Пушкине // Русская речь. 2003. № 1. С. 27–33.
3. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 74–147.
4. Гудимова С. А. Мифологическая структура «Пиковой дамы» А. С. Пушкина и П. И. Чайковского // Вестник культурологии. 2019. № 2 (89). С. 73–82.
5. Дарский Д. С. «Пиковая дама». (Публикация В. А. Викторовича) // Пушкин. Исследования и материалы: сборник научных трудов. Т. 15. СПб.: Наука, 1995. С. 308–324.
6. Джанумов С. А. Народные песни и малые жанры фольклора в творчестве А. С. Пушкина (литературно-критические статьи и заметки, художественная и автобиографическая проза, письма). М.: Московский городской педагогический университет, 2015. 296 с.
7. Кошкин И. В. К толкованию эпиграфов повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 85–98.
8. Кульчицкая Н. Н. Горе от ума на страницах «Пиковой дамы» (что необходимо в жизни человека) // История и современность филологических наук: XVI Виноградовские чтения: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, г. Москва, 5–6 марта 2020 г.: в 2 т. Т. 2: Русская литература. Междисциплинарные гуманитарные проблемы. М.: Книгодел: Московский городской педагогический университет, 2021. С. 224–230.
9. Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л.: Прибой, 1929. 222 с.
10. Осипова Ю. В. Символика цвета в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» // Проблемы современной науки и образования. 2020. № 6–1 (151). С. 42–47.
11. Степанов Н. Л. Проза Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 300 с.
12. Ходасевич В. Ф. О Пушкине // Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Проза. Державин. О Пушкине / сост. И. П. Андреева, С. Г. Бочаров, А. Л. Зорин, И. З. Сурат. М.: Согласие, 1997. С. 395–511.

REFERENCES

1. Annenkova I. V. ["Pure Criticism" by Peter Bitsilli]. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2003, no. 1, pp. 34–36.
2. Bitsilli P. M. [Notes on Pushkin]. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2003, no. 1, pp. 27–33.
3. Vinogradov V. V. [Style of the "Queen of Spades"]. In: *Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii. Vyp. 2* [Pushkin. Vremennik of the Pushkin Commission. Iss. 2]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1936, pp. 74–147.
4. Gudimova S. A. [The Mythological Structure of the "Queen of Spades" by A. S. Pushkin and P. I. Tchaikovsky]. In: *Vestnik kul'turologi* [Bulletin of Culturologists], 2019, no. 2 (89), pp. 73–82.
5. Darsky D. S. ["Queen of Spades". (Publication by V. A. Viktorovich)]. In: *Pushkin. Issledovaniya i materialy: sbornik nauchnykh trudov. T. 15* [Pushkin. Research and Materials: A Collection of Scientific Papers. Vol. 15]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, pp. 308–324.
6. Dzhanumov S. A. *Narodnye pesni i malye zhanry fol'klora v tvorchestve A. S. Pushkina (literaturno-kriticheskie stat'i i zametki, khudozhestvennaya i avtobiograficheskaya proza, pis'ma)* [Folk Songs and Small Genres of Folklore in the Work of A. S. Pushkin (Literary Critical Articles and Notes, Artistic and Autobiographical Prose, Letters)]. Moscow, Moscow City Pedagogical University Publ., 2015. 296 p.
7. Koshchienko I. V. [On the Interpretation of the Epigraphs of A. S. Pushkin's Story "The Queen of Spades"]. In: *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences], 2016, no. 4, pp. 85–98.
8. Kul'chickaya N. N. [Woe from Wit on the Pages of the "Queen of Spades" (Which is Necessary in a Person's Life)]. In: *Istoriya i sovremennost' filologicheskikh nauk: XVI Vinogradovskie chteniya: sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Moskva, 5–6 marta 2020 g. T. 2: Russkaya literatura. Mezhdisciplinarnye humanitarnye problem* [History and Modernity of Philological Sciences: XVI Vinogradov Readings: Collection of Scientific Articles Based on Materials of the International Scientific Conference, Moscow, 5–6 March, 2020. Vol. 2: Russian Literature. Interdisciplinary Humanitarian Problems]. Moscow, Knigodel Publ., Moscow City Pedagogical University Publ., 2021, pp. 224–230.
9. Lerner N. O. *Rasskazy o Pushkine* [Stories about Pushkin]. Leningrad, Priboi Publ., 1929. 222 p.
10. Osipova Yu. V. [The Symbolism of Color in A. S. Pushkin's Story "The Queen of Spades"]. In: *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education], 2020, no. 6–1 (151), pp. 42–47.
11. Stepanov N. L. *Proza Pushkina* [Pushkin's Prose]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 300 p.
12. Khodasevich V. F. [On Pushkin]. In: *Khodasevich V. F. Sobranie sochinenii. T. 3: Proza. Derzhavin. O Pushkine* [Collected Works. Vol. 3: Prose. Derzhavin. About Pushkin]. Moscow, Soglasie Publ., 1997, pp. 395–511.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Seyran A. Dzhanumov – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian Literature, Institute of the Humanities, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джанумов С. А. Соотнесённость эпитафий и текста в повести А. С. Пушкина «Пиковая Дама» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 72–84.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-72-84

FOR CITATION

Dzhanumov S. A. Relationship of Epigraphs and Text in A. S. Pushkin's Story "The Queen of Spades". In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 4, pp. 72–84.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-72-84